

A photograph of two women, Diana Mashkova and her daughter, looking towards the camera. Diana is on the right, wearing a white shirt and a dark vest. Her daughter is on the left, wearing a grey top. The background is a textured, light-colored wall with some faint graffiti.

ДИАНА
МАШКОВА

ДОЧКИ- МАТЕРИ

...у нее есть главное — свой стиль,
свое видение мира, свое понимание
искусства и свой взгляд на жизнь.

АНДРЕЙ ДЕМЕНТЬЕВ

Диана Машкова

Дочки-матери

«ЭКСМО»

2012

Машкова Д. В.

Дочки-матери / Д. В. Машкова — «Эксмо», 2012

В ее жизни все наперекосяк: мечтала быть писателем – работает журналисткой, стремилась создать семью – оказалась у разбитого корыта, хотела стать образцовой матерью – получила ненависть ребенка, готова была всю себя без остатка отдать любимому – ему не нужна ее жертва. Почему все наоборот? Чем виновата Инна Маковецкая перед судьбой и за что она так жестоко ее наказывает? А главное, что сделать, чтобы кара не распространялась хотя бы на дочь? Инне придется искать ошибку в собственном прошлом...

© Машкова Д. В., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

Часть I	5
Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	26
Глава 6	31
Глава 7	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Диана Владимировна Машкова

Дочки-матери

С глубокой благодарностью за помощь в создании этой книги и огромной любовью моей дочке Нэлле

Часть I

Глава 1

Игорь вышел из душевой кабины – словно шагнул на сцену. Инна с улыбкой протянула ему полотенце. Мужчина вытер сначала лицо, потом грудь. Отодвинул с дороги застывшую со счастливым выражением лица женщину, которая была похожа в своем светло-зеленом махровом халате с капюшоном на куколку бабочки. Отодвинул и подошел к зеркалу.

– Толстею? – нахмурившись, спросил он.

– Нет. – Инна инстинктивно втянула в себя живот. – Отлично выглядишь.

Пока Игорь вытирал плечи и мускулистую спину, она украдкой любовалась его отражением: лаково-черными волосами в каплях-бриллиантах, высоким лбом, квадратными скулами, покрытыми жесткой щетиной, и выразительным изгибом губ. Его кожа еще хранила загар Юго-Восточной Азии, по которой он путешествовал в поисках вдохновения весь октябрь, до начала европейских выставок.

Глядя на него, Инна видела одного из греческих богов, запечатленных в бронзе. Лишь редкие волоски на рельефной груди напоминали о том, что перед ней – не статуя, отлитая гениальным скульптором, а живой человек.

– Я скучала, – произнесла она одними губами.

Непостижимым образом он услышал. Повернулся к ней и, уронив полотенце на пол, обнял за плечи.

– И я, – голос, от которого млели миллионы поклонниц, прозвучал игриво, – ну что, возвращаемся?

Его темно-синие глаза возбужденно блеснули. Он сбросил с головы Инны капюшон и погладил ее по непослушным волосам, выющим мелким бесом. Она смущенно кивнула.

– Догоняй!

Он вышел из ванной комнаты. Инна нагнулась за полотенцем, повесила его на радиатор. Мельком взглянула на себя в зеркало – ее счастье сияло как «Кохинур» – и на цыпочках (только сейчас заметила, как холодно стоять на кафельном полу босыми ступнями) засеменила в спальню.

Еще полтора часа просочились сквозь время.

А после Инна лежала, уткнувшись носом в ароматную щеку Игоря, и сражалась со своим возвращением. Ей хотелось задержаться в другом измерении еще хотя бы на миг, но неугомонное чувство долга уже гнало прочь из горячей постели.

– Как тебя встретила Вена? – спросила она, украдкой косясь на часы.

– Потрясающе. – Игорь перекатился со спины на бок и обнял Инну. – Первые пять дней в галерею стояла очередь.

– Ты гений!

– Работаю, – его глаза сияли от удовольствия.

– Да уж, двадцать четыре часа, – согласилась она и торопливо поцеловала мужчину в губы.

– Зато, – Игорь с притворным огорчением вздохнул, – ни на что другое сил не остается. Даже от заработанных денег не успеваю получать удовольствие. А что у тебя?

– Все по-старому, – Инна расстроилась из-за напоминания о собственных неудачах, – пока никуда не взяли. А ты прочитал?

Она с беспокойством заглянула ему в лицо.

– Не все успел, только «Пророчество Эльзы».

– И как? – ее голос выдавал сильное волнение.

– Захватывает, – признался он, – хороший сюжет. Только ты же знаешь, я не любитель фэнтези.

– Но слог, язык? – настаивала она.

– На мой взгляд, отлично. – Инна услышала скуку в его голосе. – Только я не твоя целевая аудитория. Мне сложно судить.

«Целевая аудитория», – повторила она про себя. Умеет Игорь всего парой слов безнадежно испортить чудесное настроение! А впрочем, за те пять лет, что они встречаются, ей пора бы привыкнуть: его интересуют только собственные дела. Но ведь и она не надеялась на творческую поддержку этого мужчины: хотела от него совершенно другого. Поэтому нет смысла обижаться.

Инна выскользнула из объятий Игоря: пора было уходить. После недолгой передышки в другом мире жизнь вернулась на круги своя, и время снова бежало сломя голову. Ей давно нужно быть дома.

– Без терпенья нет спасенья, – изрек знаменитый художник то ли в назидание, то ли в утешение.

– Понятно, – бросила она.

– Я писал пятнадцать лет, прежде чем меня заметили.

– В этом году я тебя догнала, – Инна, начиная терять терпение, огрызнулась. Пора прекращать этот разговор.

– Значит, ты что-то не так делаешь! – Игорь, как всегда, не уловил ее состояния – слышал только себя. – Размениваешься. Тратишь энергию и время не на то, на что нужно!

Она не ответила. К чему глупые ссоры? Им никогда не понять друг друга. Он – мужчина и может позволить себе роскошь абсолютной свободы. А она всего лишь женщина, которая по рукам и ногам связана обязательствами.

Инна села на край кровати и стала шарить рукой по полу в поисках белья и чулок.

– И все-таки ты большой молодец, – похвалил ее Игорь рассеянно.

Инна замерла от приятного чувства, вмиг отогревшего душу.

– Да? – она повернулась к нему с улыбкой. – Значит, тебе понравилась моя книга?

– Я не об этом, – он замешкался на секунду.

– О чем?

В воздухе повисла пауза. Инна застыла, глядя на Игоря, с руками, заведенными за спину – пыталась застегнуть лифчик, но замерла ради комплимента любимого мужчины. Он так редко ее хвалил.

– О том, – он замолчал, словно раздумывая, стоит говорить или нет, – что прекрасно все понимаешь: наши постельные встречи – не фундамент для отношений.

Оглушенная его словами, Инна так и осталась в нелепой позе: вмиг похолодевшие пальцы прилипли к спине. Внутри нее словно раздался взрыв, освободивший страх и одиночество, которые всего лишь несколько часов назад удалось запрятать в надежный тайник.

Игорь почувствовал, какой силы эффект произвели его слова. Сел на кровати, отвел ледяные руки Инны в стороны и одним точным движением вставил в петли крючки.

– Человеку творческому нужна независимость, – объяснил он извинительным тоном, – ты же знаешь.

Инна молчала, пытаясь справиться с обрушившимся на нее горем. Она никогда не переступала черты: оставляла за Игорем его независимость и свободу, по многим причинам не втягивала его в собственную жизнь. Не жаловалась, не ныла. Покорно ждала. Она всегда считала, что первый шаг к совместной жизни должен сделать именно он: не вправе женщина брать в свои руки инициативу в любви. Есть опасность все безнадежно испортить.

И вот после пяти лет отношений она вдруг услышала от человека, в котором души не чаяла, который был для нее и смыслом, и светом, что их чувства – это всего лишь «постельные встречи».

– Ты думаешь? – прошептала она, сраженная.

– Я уверен.

Ярость закипела в ней, но она давно научилась контролировать эмоции.

– А что, если меня в твоей жизни не станет? – бросила она.

Игорь задумался, но всего на секунду.

– Плохо, – нагнулся к ней и поцеловал в плечо, – но я переживу. Все, одевайся, не буду мешать.

Он грациозно выскользнул из постели и ободряюще потрепал Инну по спутанным волосам. В его голове уже возникали яркие образы, которые он хотел теперь перенести на холст, и присутствие женщины начинало мешать.

– Не возражаешь, если я поработаю? – спросил он.

– Вперед.

– Захлопни дверь, когда будешь уходить, ладно?

– Да.

Он собрал с пола свою одежду и, насвистывая, скрылся в мастерской. Инна увидела распятый на мольберте холст, валявшиеся всюду краски, кисти, перепачканные тряпки. А потом дверь захлопнулась. И щелчок замка прозвучал для нее как выстрел.

Ее начало трясти, словно в спальне, которая всего несколько минут назад казалась тропиками, теперь стоял лютый мороз. Она стащила с себя лифчик, едва справившись с крючками, и, обхватив себя руками, бросилась в ванную комнату. Включила в душевой кабине горячую воду на полную мощность, дождалась, когда пар окутает помещение до полной потери очертаний предметов, и шагнула под кипяток. Вскрикнула, повернула вентиль с холодной водой, подставляя потоку лицо.

Выйдя из душа и завернувшись в его полотенце, теплое после радиатора и сводящее с ума любимым запахом, она поняла, что не сможет отказаться от единственного счастья в своей проклятой жизни.

Она испортила все сама. Игорь звал ее с собой в путешествие по Таиланду, Камбодже, Индонезии, Бирме. Хотел, чтобы она прилетела к нему в Вену на открытие выставки, потом – в Будапешт. Но она не смогла, осталась в Москве.

Инна открыла дверь и шагнула за порог ванной комнаты одновременно с вырвавшимся наружу паром. Подошла к закрытой двери мастерской Игоря. Взявшись за ручку, она почти повернула ее, но вовремя остановилась. Нет! Игорь должен принять решение сам.

Попятившись, вернулась в спальню, быстро оделась. И, не оглядываясь, выбежала из квартиры, с шумом захлопнув за собой входную дверь.

Только по дороге к метро, уже позвонив домой, Инна вспомнила, что не оставила Варшавскому новый номер своего сотового телефона. Старый аппарат у нее недавно пропал – то ли где-то выронила, то ли украли. Пришлось срочно покупать телефон, а заодно и сим-карту: прежняя была оформлена на Витю, который давно исчез из ее жизни, здраво рассудив, что

ему нужна женщина, а не «творческая личность». Да еще без успешной реализации, а заодно и «с прицепом».

Инна опустила на жесткую скамейку в пустом вагоне и, откинувшись назад, горько расхохоталась. Так нелепо могла поступить только она. Прекрасно ведь знала, что Игорь не возьмет трубку, если увидит незнакомый номер – последнее время ему без конца докучают, – и все равно, увидев любимого мужчину, обо всем на свете забыла...

Инна открыла дверь в собственную квартиру одновременно с боем старинных часов в прихожей. В темноте споткнулась о ботинки, брошенные у самого порога, включила свет и увидела, что обувь, как всегда, заляпана глиной и грязью. Чуть подальше, прямо на полу, валялась мокрая куртка. Инна безнадежно вздохнула, подняла ее и повесила на плечики. Потом разделась сама и отправилась в ванную комнату мыть ботинки.

В кухне ждала гора немытой посуды и опустошенный – даже яйца, и те исчезли бесследно – холодильник. Она засучила рукава и открыла кран. Гора тарелок быстро таяла в ее привычных руках, а в горле то и дело появлялся противный ком, который она запивала водой из кувшина: в ее положении нельзя было давать волю слезам.

Покончив с делами, Инна прошла в свою комнату, которая раньше была гостиной, и плотно прикрыла за собой дверь.

Новый телефон быстро вспотел в ее горячей ладони, а через пять гудков стал выскальзывать, словно она звонила из сауны. Игорь всегда отвечал на ее звонки – в любое время дня и ночи, но теперь, как она и боялась, не взял трубку: элементарная мера предосторожности для человека, чье имя известно по всей стране.

Когда гудки десятого кряду звонка умолкли, Инна поняла, что повторять попытки бессмысленно: он не принимает чужие звонки и, не читая, удаляет СМС с сомнительных номеров. Слишком часто в последнее время стал получать послания, в которых люди просили у известного художника денег. Или предлагали себя, если говорить о женщинах. Конечно, давно нужно было сменить номер телефона, ставший достоянием общественности, но Игорь сопротивлялся.

Еще в те времена, когда фамилия Варшавский никому ни о чем не говорила, Игорь оставлял номер своего мобильного на виртуальных галереях, куда пристраивал на продажу картины. И прекрасно помнил о том, что именно на этот телефон ему впервые позвонил известный галерист, именно на этот номер вышел лучший в стране агент и рекой потекли клиенты. Чем больший успех приходил к Игорю, тем более суеверным он становился: «Нельзя поворачиваться к удаче спиной», – любил повторять он. И хранил в мастерской кучу ненужных вещей, превратив их в амулеты и талисманы. Таким же талисманом давно стал и его телефон.

Инна с досадой отбросила в угол дивана свой аппарат, который не принес ей пока ничего, кроме огорчений, и вытащила из сумки блокнот. Ручку и бумагу она всегда носила с собой: лучшее лекарство от грусти и нереализованных желаний. Открыв чистую страницу, она, как всегда, с детским удивлением стала наблюдать за ровными строчками, выползавшими из-под ее собственной руки. Она никогда не искала рифм, не подбирала слова – лишь записывала то, что нашептывал ей внутренний голос.

Я звоню – ты трубку не берешь:
Номер незнакомый, что поделать.
Ты меня не ищешь, не зовешь —
Без меня прожить, сказал, умеешь.
Мне острее кинжала те слова.
Мне они, живой, живот вспороли.
Я зажмурюсь, я сдержусь едва,
Чтоб не застонать от этой боли.
«Ты б меня не трогала сейчас», —

Вот и все. Вот мой удел и жребий.
«Да, прости. Конечно». И тотчас
Слезы как голубки налетели.
Сели на напудренных щеках,
Прячутся в накрашенных ресницах.

А в душе, как взрыв, раздался страх —
Страх того, что ты мне только снился.

Глава 2

Зонт исчез без следа. Инна обыскала каждый уголок квартиры: выдвигала ящики, открывала шкафы, даже заглянула на антресоли. Черного, с изображением дракона, красавца, с которым она вернулась в прошлом году из Лондона и с тех пор не расставалась, не было нигде. Тем временем стрелка часов неумолимо двигалась к десяти – еще немного, и она безнадежно опоздает на редколлегию.

Дождь за окном лил как из ведра, надувая пузыри в холодных лужах. Инна, обещая себе, что вечером серьезно поговорит с зонтокрадом, схватила с вешалки летний плащ с капюшоном, нацепила его поверх пальто и, захлопнув за собой дверь, выбежала на улицу.

– Маковецкая, небо не упало на землю? – поинтересовался Суслов, глядя на Инну во все глаза.

Он один сидел за компьютером в комнате редакции, которая по утрам понедельника напоминала заброшенную свалку.

– Почти, – кивнула она, сбрасывая плащ и пальто, – ты почему не на редколлегии?

– Подождет главвредина, – проворчал он, – мне материалчик надо доделать.

– С ума сошел? – Инна выхватила из сумки блокнот и рванула к двери. – Побежали!

Лада уже выпучила глаза и открыла рот, чтобы отчитать Маковецкую, выдавившую едва слышное «здрасьте» и ползущую к свободному стулу, как дверь в кабинет снова открылась.

– Всем привет! – улыбнулся Мишка в тридцать два зуба.

– Это что значит, Суслов? – Лада моментально переключилась на новую жертву – Ты отдаешь себе отчет?!

– Да. – Мишка и не подумал виниться.

– У нас обсуждение нового номера, – интонации заодно с громкостью шли по нарастающей, – что ты позволяешь себе?!

– Не удались выходные, – прошептал Влад, рядом с которым Инна опустилась на стул, – скорее бы этот несчастный сделал ей предложение и увез в свою Канаду от нас подальше!

– Ты о Дилане? – оживилась Танечка, быоти-редактор. – Так он Ладу на прошлой неделе бросил! Вернулся домой один.

– Полный абзац! – Влад помрачнел.

Редакция уже полгода с интересом наблюдала за новым романом главвредины – Дилан, в отличие от предыдущих жертв, держался в целом неплохо и заодно выполнял при Ладе роль резонатора. Но, видимо, эту женщину никто не мог выдержать слишком долго: ее манера взрываться, чуть что, и орать допекала кого угодно – даже подчиненные, выработавшие за долгие годы иммунитет, мечтали порой о коллективном убийстве.

Лада наконец наоралась и оставила Мишку в покое, а Инна почувствовала себя неудобно: дожидись она Суслова в редакции, и гневная тирада досталась бы им обоим. Но в этой ситуации пришедший на работу вовремя Мишка получил по шее, а сама она, хоть и опоздала, не слышала даже упрека.

После обязательной утренней встряски редколлегия вошла, наконец, в свою колею. Редакторы по очереди излагали планы на следующий номер, каждый по своему разделу, а Лада либо молчала, что означало в ее системе коммуникаций абсолютное одобрение, либо подрывалась и снова начинала орать.

– Брюллова! – усердствовала она в исполнении своих должностных обязанностей. – Убери из раздела психологии чертовы «каки»! «Как не стать жертвой», «как получить оргазм», «как расстаться друзьями». Достала!

– Но читателям нравится, – чуть не рыдала побледневшая Брюллова, – пишут письма, вопросы нам задают.

– Когда журнал будет называться «Дебилы мегаполиса», тогда и продолжишь! А пока ищи нормальную форму для рубрики. Работать надо, работать!

Очередь дошла и до Инны – пытаюсь унять дрожь в коленях, она зачитала свой план.

– Это все? – любопытствовала Лада на удивление ровным голосом.

– Да, – Инна поспешила кивнуть.

– С рекламным отделом согласовано?

– Конечно!

– Смотри, – пригрозила она.

Инна, убедившись, что Лада переключилась на новую жертву, закатила глаза: шесть лет она занимается в этом журнале пиарами. И ни разу не дала повода усомниться в своей порядочности. Но главный редактор, разумеется, из кожи вон будет лезть, лишь бышний раз продемонстрировать свою мнимую значимость.

– А еще, – Лада метнула в Инну суровый взгляд, – зайди ко мне через двадцать минут.

– Конечно, – повторила она, стараясь казаться спокойной, и откинулась на спинку стула.

Редколлегия закончилась только к обеду. Натерпевшийся трудовых ужасов народ моментально вспомнил о пропущенном завтраке – дома, по причине нелюбви к ранним побудкам, даже кофе никто не пил. Редакция, выйдя из кабинета Лады, дружно потянулась в буфет. По дороге только и слышалось «истеричка» да «дура». Своей манерой общения Лада давно поставила крест на собственной репутации, но, похоже, до сих пор этого не понимала.

Пока Инна заходила в редакцию за сумкой, пока звонила домой узнать, как дела, пока плелась нога за ногу по коридору, расторопный Суслов успел отстоять очередь, заплатить за кофе и занять их любимый столик в углу.

– Премного благодарна, – улыбнулась она, – нижайше прошу прощения.

– Это еще за что?

– Сам знаешь, – Инна заглянула в смеющиеся глаза за толстыми стеклами очков, – начальственный гнев за опоздание должен был обрушиться на меня.

– Забудь, – усмехнулся он.

Инна с наслаждением сделала глоток горячего кофе и достала из сумки завернутые в фольгу бутерброды. Один протянула Мишке.

– С чем? – заинтересованно спросил он, шумно втягивая носом воздух.

– С домашней бужениной, – улыбнулась она.

Глаза вечно голодного Суслова загорелись алчным огнем – кормить это вместилище инстинктов было одним удовольствием.

– Ты, – пробормотал он с набитым ртом, – гениальная женщина!

Вслед за первым бутербродом последовал второй, и только после этого Мишка оказался в состоянии говорить.

– Как поживает домашний тиран?

– Сулов! – Инна, разозлившись, сверкнула глазами. – Разве так можно?

– Можно, – кивнул он, – только чудовище может сделать из другого человека раба.

– Не болтай ерунды, у нас все хорошо. А как твоя Леночка? – с ехидцей в голосе спросила она.

– Бросила меня, – торжественно произнес Мишка и тише добавил: – Чему я и рад несказанно.

– С какой это стати?

– Бросила или рад? – переспросил Сулов и, не дожидаясь пояснений, ответил на оба вопроса сразу: – Рано или поздно всякий должен прозреть.

– Ты же души в ней не чаял.

– Временно. – Он улыбнулся одними глазами.

– Не понимаю, – Инна мотнула головой, – говорил, она талантлива. Концерт помог ей организовать, анонс везде пропихнул.

– Я тебе о ее талантах, – Суслов весело подмигнул, – кроме постельных, ни слова, ни полслова.

– Не мне, всем остальным!

– А остальные обязаны верить прессе. – Он прищурился, вглядываясь в выражение лица Инны. – На то мы и четвертая власть. Сказано «талантливая певица» – так тому и быть. О, анекдот вспомнил! – весело сообщил он.

Обычный Мишкин прием, чтобы сменить тему.

– Давай, – Инна понимающе кивнула: уход Леночки, как бы Суслов ни притворялся, все-таки больно задел его мужское самолюбие.

– Прилетает папа римский в Штаты. Не успел он сойти с трапа, как к нему подскакивает журналист: «Папа, что вы думаете о проблеме публичных домов в Нью-Йорке?»

– Миш, ты, как всегда, в своем духе, – рассмеялась она, – или секс, или работа.

– Не так: секс и работа. Не отвлекай, слушай дальше! Папа растерялся: «Здесь есть публичные дома? Никогда не думал об этом, давайте обсудим все вечером на пресс-конференции». На следующее утро в газетах появляется репортаж, а к нему аршинными буквами лид: «Первым вопросом папы римского по прибытии в США был: «Здесь есть публичные дома?»

– Отлично! – Инна хохотала, на глазах ее выступили слезы.

– Вот, – самодовольно выпятил Суслов грудь, – а ты говоришь «талант»!

– Ой. – Она вспомнила вдруг про Ладу. – Мне надо бежать.

– Забудь, – поморщился Суслов, – место журналиста – в буфете.

– Это ты у нас журналист, – Инна помрачнела, – а я пока пиараст.

– Не городи чепухи, – возмутился Суслов, – к красивым женщинам такие термины не относятся.

– Спасибо, – Инна вздохнула, – но все равно обидно. Уже не девочка, пора серьезно писать...

– Ты больше скромничай, безотказная наша.

– А что? – Она посмотрела на Суслова.

– Все знают, что Лада – полная идиотка. Сидит на своей должности благодаря былым заслугам перед Неназываемым и делает вид, что рулит процессами.

– Разве нет?

– Нет! Она до сих пор ни черта не понимает ни в людях, ни в работе журнала.

– Но как-то ж руководит...

– По обстоятельствам, – Суслов усмехнулся, – мне нужна была политическая колонка, я пошел, попросил. Влад хотел должность и зарплату, договорился. А ты сидишь молча, как дура. Чего ждешь?

– Благодати, – обидевшись, Инна поднялась из-за стола.

– Не дуйся, – Суслов с нежностью посмотрел на нее, – я ж добра тебе желаю. Драгоценная моя женщина!

Инна ничего не ответила – развернулась и пошла к выходу, спиной ощущая пристальный взгляд.

Она не сомневалась в том, что Суслов прав: если за шесть лет в работе ничего не меняется, нужно идти и просить. Но только почему все так паршиво устроено?! На каждом шагу нужно вымаливать, унижаться. Даже в отношениях с любимым мужчиной ее невмешательство и деликатность оказались ошибочными – Игорь, похоже, решил, что, если она не лезет в его жизнь, можно считать ее девкой по вызову. Но ведь и идти напролом – она это знала точно – не вариант!

Через пару минут Инна уже стучала в дверь кабинета Лады. Она ничего не успела решить: будь что будет. На стук не ответили. Потоптавшись на месте, Инна приоткрыла дверь – никого.

– Ладу потеряла? – спросила пропорхнувшая мимо Танечка.

Было видно, что девушка очень торопится, но природное любопытство заодно с профессиональной потребностью снабжать людей информацией оказались сильнее. Она остановилась в конце коридора и обернулась к Тане.

– Да.

– О-о-ой, – девушка вытаращила глаза и прикрыла ладошкой рот, – она не скоро вернется! Ее Неназываемый вызвал.

– Что случилось? – Инна занервничала.

– Сигналы пришли, – таинственным шепотом поведала бьюти-редактор, – у тебя декабрь без косяков?

– Я все проверяла. – Она вздохнула с облегчением: умеет эта стрекоза по пустякам нагнетать обстановку.

Танечка весело упорхнула, а Инна осталась в коридоре, не понимая, что делать – остаться ждать Ладу возле кабинета или вернуться на рабочее место. В любом случае претензии будут: либо за то, что топчешься под дверью без дела, либо за то, что не удосужилась подождать. Инна пожала плечами и отправилась в редакцию.

День стремительно клонился к закату, а она все никак не могла придумать название для материала о пафосном магазине сари, который открылся в Москве. Сидела, закатив глаза к потолку, и шевелила губами, пробуя на язык варианты – один тупее другого.

– О чем кручинишься, красавица? – раздался голос Суслова над самым ухом.

– Зависла с хедлайном, – пожаловалась она, поднимая голову.

– Показывай верстку!

Инна пошевелила мышкой, и на экране вспыхнул безумными цветами злополучный материал. Индийские женщины, замотанные в метры и метры ткани, гордо демонстрировали миру свои недостатки на фоне пафосных интерьеров нового бутика.

– Та-ак, – плотоядно заулыбался Мишка, – и в чем основная мысль? Если таковая имеется?

– В том, – простонала Инна, – что сари – лучший наряд для женщин.

– Кто б сомневался, – порадовался Суслов, – разматываешь, и все. Давай: «Каждой твари – по сари».

– Мишка, – Инна хихикнула, – то, что Леночка тебя бросила, это еще не повод...

– Не нравится? – Он сделал вид, что расстроился. – Ну, что с тобой будешь делать? Предлагаю другое: «Сари: совсем замоталась». Как? Актуальненько?

– Суслов, – просипела Инна, давась от смеха, – несносный ты человек!

– Да, – воодушевился Мишка, – сносу мне нет! И на твой век еще хватит!

– Уйди, – едва пролепетала она, – я сама.

– Маковецкая. – В дверь, словно смерч в пестрых шелках, влетела Лада. – У нас журнал или балаган?! Я велела зайти!

Инна торопливо вскочила из-за стола и засеменила вслед за начальницей. Выходя из редакции, она оглянулась: Мишка стоял посреди комнаты с таким свирепым выражением лица, что ей стало страшно. Можно было подумать, что, оказавшись Лада мужиком, Суслов уже расквасил бы главному редактору морду.

– Садись, – Лада указала на стул. Голос ее прозвучал на удивление спокойно.

– Спасибо.

– Как Сашка? – спросила она, заставляя лицо Инны вытянуться от удивления.

– Все хорошо, спасибо.

– Я рада, – произнесла Лада и замолчала, задумавшись.

Инна ждала, внимательно глядя в лицо начальницы.

– Слушай, – та, наконец, оживилась, – я знаю, что ты много работаешь.

Инна втянула голову в плечи: обычно после этого предисловия главный редактор сгужала ей несколько сверхурочных заданий, из-за которых приходилось сидеть в офисе до полуночи. И еще ни разу Инна не смогла отказать или попросить оплату за ночные часы работы. Может, наконец, стоит решиться?!

– Я тут подумала, – заговорила Лада, не позволив Инне открыть рот, – что тебе не помешает проветриться.

– В каком смысле? – изумилась она.

– В смысле командировки. В Париж.

– Вы же туда собирались.

– Нет, – Лада раздраженно мотнула головой, – поедешь ты. Возьмешь всего одно интервью и отдохнешь.

– Спасибо, – прошептала Инна, уже понимая, что сегодня она не попросит ни о каком повышении.

– И еще, – тон главного редактора стал деловым, – мне из рекламного отдела еще один пиар скинули. Сделаешь? Я перешлю.

– Вам-то зачем? – удивилась Инна. – Скажите, пусть мне бросают!

– Перепутали, видимо, – Лада сосредоточенно двигала мышкой по столу, – у них там девочка новая.

– Ясно. На полосу?

– На разворот. В этот номер.

– Почему в этот? У меня дедлайн был вчера!

– Да ладно тебе, – Лада махнула рукой, – не ссориться же с коллегами.

– А ставить куда? Разворот добавлять – это все переверстывать.

– Редакционный материал уберем: чушь эту брюлловскую, – объяснила Лада. – Ну все, иди.

– Да, – Инна встала, – всего доброго.

Начальница молча кивнула.

Из кабинета главного редактора Инна вышла растерянная. Лада была какой-то странной сегодня: не кричала на нее, не показывала своего превосходства. Неужели разрыв с Диланом так сказался на ней? Все-таки она женщина, и это значит, что личные отношения для нее важнее всего. Сегодня Инна и сама постоянно ловила себя на том, что все время думает об Игоре.

Она оглянулась – не хотела, чтобы вездесущие уши коллег и шустрый нос какой-нибудь Танечки совался в ее дела, – достала телефон и набрала номер Игоря. Он по-прежнему не отвечал.

Позвонила Сашке.

– У тебя все нормально? – третий раз за день один и тот же вопрос.

– Да! – раздраженный ответ.

– У меня скоро командировка в Париж.

– Лети...

Вернувшись на рабочее место, чтобы отвлечься от грустных мыслей, Инна занялась материалами, которые прислала ей Лада. Не понимая смысла, она вытаскивала из пресс-релиза текст о каких-то безумно дорогих домах и квартирах в центре Москвы. Редактировала. А сама думала о том, что ей надо обязательно разыскать Игоря. «Человеку творческому нужна независимость» – да и бог с ним. Она не собирается отнимать у мужчины свободу, только хочет быть рядом.

– Что там главвредина? – Инна вздрогнула, услышав голос Мишки.

– В порядке, отправляет в Париж.

- Неплохо, – он удивленно покачал головой, – за что такая подачка?
  - Суслов, – разозлилась Инна, – хватит меня оскорблять!
  - Прости великодушно, – начал дурачиться он, изображая юродивого, – государыня милостивая.
  - Мишка, отстань, – она улыбнулась, – мешаешь работать.
  - Раз я тебе больше не нужен, – задумчиво произнес он, – пожалуй, двину. «Хрипушку» дома доделаю, здесь все галдят, ни черта не слышу.
  - Телефонное интервью с Прохоровым? О выборах?
  - О них, чтоб им всем...
- Мишка ушел, а Инна погрузилась в работу и мысли об Игоре. Когда подняла голову в следующий раз, большинства коллег уже не было на местах. Она взглянула на часы, отругала себя – невозможно каждый день являться домой позже восьми! – и сорвалась с места, прищипленная чувством вины.
- Через десять минут она уже вбегала в метро.

Глава 3

Лампы дневного света едва слышно гудели, глаза у ребят слипались. Бодрячком была только Валентина Сергеевна – прохаживаясь вдоль доски, с выражением диктора детского радио советских времен читала английский текст. От ее монотонных движений и выписывавших кренделя интонаций спать хотелось еще больше.

– And now, – строго провозгласила она в финале, – write down this text¹.

По рядам пронесся недовольный гул.

– Вы не предупредили, что изложение! Это нечестно!

Нытье нарастало. Бывалая Валентина Сергеевна захлопнула учебник и, обведя класс устрашающим взглядом, сообщила:

– You have twenty minutes!²

Погудев еще пару минут, класс затих; ученики пытались хоть что-то вспомнить. Сдать англичанке пустой лист означало получить двойку в журнал.

– Мака, – прошелестел сосед по парте, – ты че-нить запомнила?

– Не-а, – девочка сложила голову на руки. Длинные светлые волосы рассыпались по парте.

– Че делать будешь?

Она молча пожала плечами. Пока ее тревожили другие мысли – о Филе. Мальчишки сказали, студентка бросила его уже месяц назад, и Мака не сомневалась – скоро настанет ее звездный час. Она терпеливо ждала целых полтора года, делая вид, что все в норме, а сама по ночам ревела в подушку. И вот свершилось – соперницы не стало. Но Фил подкатывать к ней не спешил. Он погрузился в страдания: говорят, уже несколько раз его видели пьяным до потери сознания.

Мака подняла голову и взглянула на часы над доской. От двадцати минут осталось лишь десять, пора было действовать: Валентина Сергеевна не посмотрит на муки неразделенной любви и вклеит «пару».

Можно было, конечно, сыграть острое недомогание – мало ли у современных девушек проблем – и закрыться в туалете до конца урока. Но такой номер она недавно проделывала – с русичкой, да и прозорливая Валентина ей вряд ли поверит. Еще вариант – завопить, что забыла выключить дома утюг и квартира может сгореть. Только англичанка у них слишком умная: заявит, что на всех утюгах сейчас есть предохранители – при перегреве они отключают ток автоматически. А даже если не так, не похожа была Мака на человека, одежда которого знает, что такое утюг. Не пройдет этот номер.

Время шло, достойных идей не было.

Из всего текста, который хитрая Валентина Сергеевна прочла два раза с единственным предупреждением «слушайте внимательно», Мака запомнила только одно слово gain. Да и то лишь потому, что за окном шел дождь – капли монотонно стучали по стеклу.

До сдачи работ оставалось всего несколько минут. Мака растерянно оглядела класс – ботаники, высунув языки, сосредоточенно строчили. Нормальные люди мучились, выдавливая из себя предложение за предложением. Таких, которые не написали бы ни слова, уже не было. Даже бестолковый сосед по парте что-то вымучивал.

Мака выдрала из рабочей тетради чистый лист, взяла ручку и, сдвинув брови, набросала всего четыре строки.

---

¹ А сейчас запишите этот текст (англ.).

² У вас двадцать минут! (англ.)

Через две минуты дежурный собрал работы. Положил их, всем видом демонстрируя раскаяние перед классом, на учительский стол. А Валентина Сергеевна, получив добычу, тут же начала перебирать листки.

– Что это? – пристально посмотрев на Маку, спросила она от удивления по-русски.

– Изложение в стихах.

Валентина Сергеевна хмыкнула.

– Прочти.

Мака поднялась из-за парты и, нога за ногу, подошла к учительнице, чтобы взять протянутый ей листок. «Вам же хуже», – подумала она и повернулась к классу лицом. Нарочито откашлялась, вызвав смешки – народ, знавший Маку, уже был в предвкушении, – и, найдя взглядом темную челку, из-под которой на нее с любопытством смотрели печальные карие глаза, с выражением начала:

Open the window to hear the rain.
It cries as a widow at her husband's grave,
Laughs as a baby, screams as a bird...

Мака сделала паузу, перевела взгляд на Валентину Сергеевну и закончила, сверля учительницу бесстрашным взглядом:

Answering «fuck off» t'all questions in th'world!³

Класс грохнул. Мака сомневалась, что каждый одноклассник понял все до последнего слова, но тем сильнее был произведенный эффект – таких, которые не знали бы, что значит «fuck off», в их школе не было.

– Кто автор? – англичанка на удивление быстро овладела собой.

– Я.

– Если не найду орфографических ошибок, – пообещала необъяснимая Валентина Сергеевна, – получишь «пять». А теперь принеси дневник – «два» за поведение.

Бросив самодовольный взгляд на смеющиеся теперь глаза под черной челкой, Мака увидела, как Фила распирает от гордости за нее. Это было дружеское чувство соратника по борьбе с тупым миром школы. А может, даже что-то большее: во всяком случае, Маке очень хотелось бы в это верить.

Она села на место и с улыбкой передала по ряду дневник. Двойка за поведение ее не беспокоила – ничтожная плата за то, что она, как всегда, оказалась на высоте. Слухи по школе распространяются быстро, и скоро не останется ни одного пацана, который не подойдет к ней, чтобы выразить свой респект. И пусть это видит Фил.

Конечно, ее выходка опять разозлила девиц – Мака взглянула украдкой на дымящуюся от ярости Ритку и ее тупоголовых подружек. Но Мака давно привыкла к злобе одноклассниц и даже гордилась ею, считая их зависть частью собственной крутизны.

Оставшиеся пять уроков, не говоря о переменах, пролетели чудесно. Мака чувствовала себя королевой – ее поздравляли, ею восхищались, пересказывая друг другу, как она бросила этот «fuck off» в лицо англичанке. А та, не уловив настоящего смысла и того, что эти слова были адресованы именно ей, поставила «пять».

И в конце учебного дня – завершающим триумфальным аккордом – произошло невероятное событие: уже завязав шнурки на кроссовках и надев куртку, Мака нашла в правом кар-

---

³ Окно распахни, слушай: дождь бьет по лужам. Он плачет вдовой на могиле о муже, Смеется ребенком и птицей кричит... И всем в этом мире «Отстань» говорит (англ.).

мане сложенный вчетверо тетрадный листок. Наученная горьким опытом – повсюду были глаза и уши, – она схватила сумку, мешок с обувью и вышла на школьный двор. Сердце ее колотилось о ребра изо всех сил, но, только оказавшись за воротами и зайдя за угол школы, Мака развернула листок и прочитала: «После школы жду на руинах. I love you. Фил».

У нее перехватило дыхание. Сердце замерло на мгновение, потом снова застучало, сбиваясь с ритма. Бережно сложив записку и спрятав ее во внутренний карман сумки, она бросилась бежать. Потом резко остановилась и заставила себя перейти на спокойный шаг. Не хватало еще нестись сломя голову к пацану. Пусть подождет. До заброшенного детского сада, который за полуразвалившиеся стены, поросшие травой и деревьями, в школе прозвали руинами, было всего пять минут ходу. Если идти нога за ногу, получится десять.

Едва подойдя к забору, Мака увидела среди серых камней зеленую куртку Фила. Он сидел на корточках, кинув рядом рюкзак, и чертил что-то на мокром песке.

– Привет! – небрежно бросила она, внимательно разглядывая его художества. Ничего особенного: кривобокая бабочка.

– Привет. – Он затер каракули, посмотрел на Маку взволнованно и поднялся.

Фил, единственный во всем классе, был выше ее на целых полголовы – макушки остальных мальчишек вихрились на уровне глаз Маки, а то и где-то у подбородка. Что, впрочем, не мешало им табунами ходить за самой прикольной в школе девочкой.

Они помолчали.

– Как дела? – наконец спросил он.

И Мака поняла, как сильно Фил нервничает. Глаза его бегали, руки от страха попрыгали по карманам.

– Прикольно, – ответила она, – ловлю кайф от жизни.

– Англичанку ты круто сделала, – он неуверенно улыбнулся, – присядем?

Фил стащил с себя куртку, оставшись в одной водолазке, и постелил ее на мокрую после дождя бетонную плиту. Мака, изумившись его джентльменским привычкам, села. Но не успела она устроиться удобнее, как из кармана ее джинсов вылетел телефон. Инстинктивно она прижала рукой второй карман. Фил нагнулся и поднял аппарат, протянул его Маке. А потом присел рядом с девочкой и, не говоря ни слова, обнял ее за талию. Мака напряженно притихла. Чтобы скрыть волнение, он полез в карман и достал помятую пачку сигарет, протянул ей.

– Будешь?

– Бросила, – Мака поморщилась, – если хочешь, кури.

Она сдвинула со своего бедра руку Фила и встала. С недавних пор ее раздражал табачный дым.

– Уважаю, – похвалил ее Фил, – а я слаб духом.

Опасливо оглянувшись по сторонам, – не идет ли кто, – он закурил.

– Боишься спалиться? – усмехнулась Мака.

– Есть такое дело, – не стал спорить он, – у меня родоки звери. Узнают – убьют. А ты че бросила?

– Тупо.

– В смысле? – не понял Фил.

– В смысле тупо, и все.

Было лень объяснять, что она давно заметила: среди взрослых курят только охранники. Еще дворники и разнорабочие в оранжевых жилетах. Ни одного серьезного мена с сигаретой в руке она давным-давно не видела.

– Родоки доставали? – продолжал допытываться он.

– Им фиолетово.

– В смысле?

– Я сама по себе, – отрезала она, закрывая тему.

Фил немного помялся и выбросил сигарету, выкуренную лишь до половины. Мака уже понимала, что он собирается предложить ей встречаться, и давно знала, каким будет ее ответ. Но сейчас нужно было соблюсти традицию – дожждаться, когда он все скажет вслух.

И вот тогда начнется настоящая жизнь!

Для полного счастья останется только избавиться от чокнутого Лёли.

Пока Фил крутил со студенткой, Мака согласилась встречаться с одним придурком из десятого класса. Но у того с головой был полный провал: если сказать ему, что надо расстаться, он закатит истерику, начнет резать вены. Один раз ей уже пришлось обрабатывать этому сумасшедшему раны и перебинтовывать руку – расцарапал себе запястье перочинным ножом. А ведь они тогда просто поссорились из-за ерунды! Невозможно быть таким идиотом в шестнадцать лет.

Фил медленно поднялся с камня, надел куртку и обнял Маку за плечи.

– А ты красивая, – задумчиво произнес он.

– Знаю, – усмехнувшись, ответила она.

Не говоря больше ни слова, Фил начал целовать. Он крепко держал ее за плечи и не отпускал – Маке уже казалось, что она задыхается без воздуха и от противного привкуса табака.

– Маковецкая! – девушка вздрогнула, услышав резкий окрик, и оттолкнула от себя Фила.

У ворот стояла Ритка, к которой жались еще шесть девиц – ее постоянная свита.

– Хорошо лизаться, – распорядилась она. – Филимонов, свободен!

Мака взглянула на Фила и обомлела: он закинул на плечо рюкзак и послушно двинулся к выходу. Вместо крови по жилам потекла ледяная жидкость.

– А ты не думай слинять, – обратилась она к Маке, – догоним!

Спина Фила в зеленой куртке удалялась из виду, а Мака не могла прийти в себя от накапившего страха. Он предал ее. Привел сюда, чтобы передать Ритке! За что?

– Че надо? – Мака сунула руки в карманы, мысленно просчитывая пути к отступлению. Ворота загораживали девицы. Со всех остальных сторон детский сад окружал покосившийся сетчатый забор.

– Морду тебе поправить, – сообщила Ритка, – чтобы пацаны разбежались. Думаешь, самая красивая?

– И самая умная, – преодолевая страх, бросила Мака.

Она вспомнила, что с торца детского сада в одном месте забор практически лег на землю – нужно только перескочить. Счастье, что она надела кроссовки, а не ботинки.

– Не бойсь, – позеленела Ритка, – мы и мозги тебе вышибем.

Девицы начали наступать. Мака бросила сумку на землю – плевать на учебники, зонтик только жалко, который мать из Лондона привезла, – и рванула к задней части забора. Она не оглядывалась, но слышала сзади топот ног и разъяренное сопение взбесившихся одноклассниц. Впервые Мака пожалела о том, что старалась быть самой крутой – при каждом удобном случае утирала нос Ритке и остальным девицам.

Она уже видела упавший забор. Осталось всего несколько метров. Мака приготовилась оттолкнуться и прыгнуть – все ее внимание было сосредоточено на расстоянии, которое предстояло преодолеть.

Но в последнюю секунду она споткнулась – то ли арматура в земле, то ли камень – и полетела лицом вниз. Успела закрыть голову рукавами куртки за секунду до того, как упала на поваленный на землю забор.

Принцип «не бей лежащего» в подростковом мире давно отменили. Удары посыпались на девочку один за другим.

Мака вывернулась и, не глядя, размахивала руками и ногами, раздавая ответные слепые тычки. Но боль с каждой минутой становилась все сильнее. Мысленно она уже видела карету «Скорой помощи», больницу.

Перед глазами все плыло, в ушах раздавался ровный гул, а потом она вдруг почувствовала, что бой прекратился.

Открыла глаза и сквозь туман увидела над собой лица двух взрослых мужчин, за спиной которых прятался Фил.

– Живая? – спросил один.

– Да.

– Вставай, – он протянул ей руку, – скажи папке, в милицию пусть идет. И к директору школы.

– У меня нет отца, – ответила она и залилась слезами от боли и от обиды.

Глава 4

Игорь по-прежнему не брал трубку. Инна звонила ему каждый день в надежде на то, что он отзовется. Но чем дольше она слушала в телефоне гудки, тем глубже погружалась в депрессию, из которой – она это знала точно – будет непросто выбраться.

Она уже не раз думала о том, чтобы набраться наглости и явиться к нему домой, но стоило представить себе, как она стоит перед закрытыми дверями подъезда, слушает гудки домофона, и решимость улетучивалась. Игорь сам мог найти ее, если бы захотел – знал название журнала, в котором она работает: достаточно было взять в руки один экземпляр и заглянуть в выходные данные. Или зайти на сайт их издания. Но «человеку творческому нужна независимость». Этим все сказано.

Она старалась заполнить каждую минуту работой, чтобы не расклеиться и сохранить видимость «все хорошо» ради Сашки. При дочери прятала лицо, отворачивалась. Благо повод для этого всегда находился: то полы, то посуда, то шипящая сковорода.

Инна прекрасно помнила, как безутешно редела девятилетняя Сашка три дня напролет, когда выяснила, что маме нравится какой-то там дядя Витя. Наотрез отказалась знакомиться, не помогали никакие приманки: ни луна-парк, ни кино, ни кафе. А сейчас, в переходном возрасте, можно себе представить, чем все обернется, если она узнает, что мать страдает по какому-то Игорю. Дочь и так стала слишком вспыльчивой в последнее время – чуть что, огрызается, гонит прочь. Не нужно ее травмировать.

Приходя с работы домой, Инна, словно одержимая, начинала мыть, убирать, готовить, чтобы за показной активностью спрятать болезненную пустоту. Она задавала дочери дежурные вопросы, получала ничего не значащие ответы. Да и их-то толком не слышала, тратя все силы на маскировку.

А позже, когда Сашка ложилась спать, Инна садилась за компьютер. Проверяла почту с бессмысленной настойчивостью мазохистки, потом хваталась за ручку.

Тихий шепот усталых клавиш,
Монитора неясный свет.
Ты меня словно в сердце жалишь:
«Непрочитанных писем нет».
Что бывает больнее боли,
Что быть может темнее тьмы?
Одиночество, жизнь в неволе,
Вместо яви – цветные сны.
Засыпает и шепот клавиш,
Гаснет свет, след тоски тая.
Ничего уже не исправишь —
Ты же знаешь, Радость моя.

И только избавившись от глупой надежды, открывала файл с третьей, уже почти законченной книгой. Она писала всю ночь, понимая, что, если остановится, одиночество и боль одолеют ее. Утром плелась на работу, разбитая, невыспавшаяся, чтобы влиться в очередной невыносимый день.

Бог знает, как долго она блуждала бы по лабиринтам своей тоски об Игоре, если бы в один прекрасный день в редакции не раздался этот звонок.

– Маковецкая, – Суслов поднял трубку, прикрыв динамик рукой, – тебя! Подойдешь?

– Переведи на внутренний номер, – она побледнела, потом покрылась румянцем: кроме Игоря, некому было звонить, – только смотри, чтобы не сорвалось!

Суслов бросил на нее укоризненный взгляд и нажал на своем телефоне три цифры. Аппарат на столе Инны затрепетал.

– Да, – она схватила трубку, едва дождавшись второго звонка, – слушаю!

– Инусик, – неожиданно в телефоне зазвучал женский голос, – привет!

– Привет, – ответила она растерянно и с таким разочарованием в голосе, что в трубке повисла пауза.

– Инусик, ты не заболела? – спросил голос осторожно, и только сейчас Инна сообразила, наконец, с кем говорит.

– Люба? Какими судьбами?!

– У тебя что-то плохое случилось? – вместо ответа не отставала студенческая подруга.

– Нет, – Инна поспешила исправить интонацию, – все в порядке!

– Вот! Теперь узнаю! – обрадовалась Любовь. – Что с твоим телефоном?

– А что?

– Звоню на мобильный – не отвечаешь или недоступна!

– У меня новый номер, – пробормотала Инна, подумав о том, что Игорь, возможно, ей тоже звонит.

– Слушай, давай встретимся, а?

– Давай! – Инна улыбнулась: общение с Любой было вторым лекарством в ее жизни. Редко доступным, но очень действенным. Если бы не подруга, неизвестно еще, как бы после рождения Сашки она нашла в себе силы окончить Литинститут.

– Тебе когда удобно?

– В любой день, если вечером.

– Приезжай завтра к шести в издательство.

– Куда?!

– Ты разве не знаешь? – в голосе Любы послышалась радость. – Я поменяла работу!

– Не может быть, – Инна оторопела: должностями, аналогичными той, что занимала подруга в нефтяной компании, не разбрасываются.

– Надоело, – лаконично объяснила она, – слышать не могу больше об объемах суточной добычи и ценах за баррель.

– Ну, ты даешь! А зарплата?

– Меньше, – Люба засмеялась, – зато работа интереснее.

– А чем...

– Все расскажу! Приезжай. – Инна услышала, как на том конце провода щелкает мышка. – Адрес уже высылаю тебе по почте. И схему проезда.

– Спасибо. – Прежняя деловитость и оперативность Любы никуда не делись.

– До встречи!

Она положила трубку и застыла в задумчивости.

С Любой – веселой и на первый взгляд легкомысленной девчонкой – Инна подружилась в первый же день учебы в Литинституте. Сели в лекционной аудитории рядом и, вместо того чтобы слушать профессора, прошептались все полтора часа. После лекции обменялись тетрадями со стихами и с тех пор не расставались ни на минуту: вместе на занятия, вместе готовиться к семинарам, вместе домой – благо жили в одном районе.

Правда, идиллия эта длилась недолго: до тех пор, пока Инна не потеряла голову от любви и не перестала замечать Любу. Потом все, конечно, возобновилось, но уже по-другому. Их стали больше связывать книги, литературные интересы, чем общая жизнь, как это было на первом курсе. К тому же Инна отстала в учебе из-за рождения Сашки на целый год: вынуждена была взять академический отпуск. А Люба продолжала учиться.

После окончания института ее пристроили на работу в богатую компанию – помог будущий свекор, папа Олежки, – и Люба стала пропадать в офисе с раннего утра до поздней ночи. Пресс-релизы, обзоры, участие в конференциях. Постепенно, от помощника Pr-менеджера она добралась до должности Pr-директора. Параллельно, фактически без отрыва от производства, родила двоих сыновей. В общем, все у нее сложилось как надо.

В отличие от того, как получилось у самой Инны.

Маковецкая не говорила ничего подобного вслух, но всегда знала – она собственными руками изломала свою жизнь и жизнь Сашки. Отец дочери не только не женился на ней, но и, что самое страшное, отказался признать ребенка. Спрятался от отцовства, связанных с ним кошмаров и прочих мирских проблем в церкви. А Инна вынуждена была справляться со всем одна.

Мать, как только узнала, что дочь беременна, выставила ее из дома. К счастью, отец помог. Ему по наследству досталась квартира родителей, которые умерли за несколько лет до рождения правнучки, и он переписал имущество на Сашку. Дочери, которая не оправдала надежд, больше не доверял. Возьмет сдуру продаст. А так до совершеннолетия ребенка никто не имел права этой квартирой распорядиться.

Родители Инны с самого появления дочери на свет мечтали о том, чтобы их девочка получила достойное образование и вышла замуж за хорошего человека. Коренного москвича, с хорошей профессией, обеспеченного. И, чтобы шансы встретить такого жениха возросли, готовили ее к поступлению на мужской факультет – физмат университета. Держали преподавателей, платили им немалые деньги. И все должно было получиться: Инна была девочкой умной, способной. Прекрасно училась в гимназии при университете. Да только в последний момент все сорвалось: дочь тайком отнесла копии документов в Литинститут и не явилась на вступительный экзамен по физике.

Это был первый удар для родителей. Второй обрушился на их головы, когда стало известно, что у дочери скоро родится ребенок при абсолютном отсутствии мужа. Отец с матерью поставили на Инне крест.

И правильно сделали.

У нее не было ни постоянной работы, ни достойного – как им хотелось – образования. Если бы не знакомые и друзья по институту, которые то ли из благородства, то ли из жалости подкидывали заказы на материалы – всевозможные журналы на постсоветском пространстве разрослись как грибы, – Инна с Сашкой умерли бы с голоду. Та же Люба часто давала подруге работу под предлогом того, что у нее самой не хватает времени набросать пресс-релиз или расшифровать записанное на диктофон интервью. Конечно, все, что писала Инна, выходило в печать либо без указания автора, либо под чужими именами, но это волновало ее меньше всего. Главное, заработать на жизнь.

Когда Сашка подросла – во втором классе она стала уже вполне самостоятельной девочкой, – Инна решила выйти на постоянную работу: предложили писать для пиар-раздела глянцевого журнала. Не об этом она, конечно, мечтала, когда поступала в Литинститут, но все-таки это была работа по специальности. Не худший вариант.

Тем более на будущее у нее в рукаве был припрятан козырь: книга «Пророчество Эльзы», которую она писала почти девять лет. Оставалось только отредактировать рукопись, отнести ее в издательство, и тогда круто изменится вся ее жизнь.

Два месяца ушло на доработку. Пара минут – на отправку сообщения с прикрепленной к нему рукописью. И полгода – на мучительное ожидание. День проходил за днем, неделя ползла за неделей, а ответа от издательства все не было. Инна пришла в отчаяние. Потом ей стало безразлично. Следом она дала себе обещание никогда больше не тратить время и силы на чудовищную болезнь: творчество. Она без того уже испытывала страшное чувство вины перед Сашей за то, что позволяла себе такую расточительную слабость: провела за романом столько

часов и дней, что за это время можно было родить и воспитать еще одного ребенка, своими руками построить дом или заработать немало денег на дополнительных заказах. Но от многих предложений ради «Пророчества Эльзы» она на протяжении многих лет отказывалась.

Инна приняла твердое решение – с художественной литературой покончено. Никаких убивающих время и силы рукописей. Никакого фэнтези!

Она с головой погрузилась в реальную жизнь. Стала больше общаться с людьми, из затворницы превратилась в любительницу шумных вечеринок, кафе и театров – лишь бы не бывать дома. Благо мать с отцом успели за минувшие годы оттаять и теперь с радостью приходили в гости, чтобы посидеть с Сашенькой. Тогда она и познакомилась с Виктором, у них закрутился бурный роман. Дело шло к свадьбе, даже думали, куда поехать в путешествие, кого пригласить на банкет, но тут появился непредвиденный фактор – реакция Сашки. Пока Инна пыталась договориться с дочерью, пока разрывалась между Виктором и его непримиримой конкуренткой, мужчина все осознал. И благоразумно решил, что у него еще будет шанс устроить собственную жизнь без отягчающих обстоятельств.

А Инна, снова замкнувшись в себе, начала писать новую книгу. Теперь она уже не надеялась на публикацию – писала потому, что не могла бы по-другому выжить. Работала лишь ради удовольствия – едва ли не единственного, оставшегося с ней, которое приносило творчество. Каждую новую рукопись – их было уже три – она отсылала по всем известным издательствам, но только ради ощущения завершенности очередного цикла...

Звонок Любы выбил Инну из колеи. Она боялась даже подумать о том, что это было не просто стечением обстоятельств и не только дружеским напоминанием о себе. Забыв о работе, она открыла личный почтовый ящик – письмо от подруги уже пришло. Инна заглянула в сообщение, и сердце ее взволнованно забилося: Люба прислала адрес самого известного издательства в стране. Каждый писатель – начинающий или уже состоявшийся – знал его наизусть. Стоило подруге только произнести это название вслух!

На следующий день без четверти шесть она уже стояла у входа. На улице было холодно, начал накрапывать мелкий дождь, но Инна стойчески выжидала, считая медленно ползущие секунды, и не решалась войти. Наконец, когда до назначенного времени осталось всего несколько минут, распахнула дверь.

Получив пропуск, Инна прошла через турникет и теперь поднималась в лифте, исподтишка рассматривая людей, которые ехали рядом. Две мило щебетавшие девушки явно работали в отделе рекламы – эту категорию сотрудниц Инна давно научилась различать по одному только виду. Пожилая дама с сосредоточенным взглядом, скорее всего, была редактором. А вот крепенький старичок с аккуратной бородкой вполне мог оказаться писателем. Скорее всего, детским, если судить по выражению его глаз. И может быть, не таким уж известным, но все равно Инне показалось, что его присутствие – добрый знак.

Шаг за шагом, все больше робея, Инна добрела наконец до кабинета, в котором работала Люба. Осторожно постучала и услышала жизнерадостное «Войдите!».

Инна открыла дверь, и перед ее глазами возник настоящий рай. Небольшое помещение, в котором работали пять человек, было похоже на тропический сад – растения были повсюду. Горшочки, горшки и кадки красовались в цветочницах, стояли на полках с книгами, занимали оба подоконника. Аромат цветов мешался с умопомрачительным запахом новых, едва вышедших из типографии книг.

– Инусик, привет! – Люба встала из-за стола Инне навстречу. – Проходи, знакомься!

Одного за другим Люба представляла своих коллег, рекомендуя Инну как студенческую подругу и начинающего автора. От последнего словосочетания сердце Маковецкой учащенно забилося.

– Чай, кофе?

– Если можно, кофе. – Инна волновалась до дрожи в голосе.

– Кофе так кофе, – Люба взглянула на подругу, – да успокойся ты! Никто тебя здесь не съест.

Пока Люба возилась с чайником и чашками, Инна, чтобы скрыть нервозность, рассматривала корешки на книжных полках. Многие издания были оформлены в едином стиле и принадлежали одному автору.

– Мы выпускаем серии, – объяснила Люба, – если у писателя есть потенциал.

– А если нет? – Она вздрогнула.

– Вопрос некорректный, – Люба протянула подруге кофе, – нет, значит, не издаем.

Инна долго смотрела на дрожащую в ее беспокойных руках дымящуюся кружку, прежде чем решилась задать вопрос.

– Почему ты меня пригласила сюда? – она подняла на Любу испуганные глаза.

– Ты же все поняла!

– Нет, – Инна отрицательно мотнула головой.

– Не скромничай, – Люба заулыбалась, – когда я пришла сюда, среди кипы рукописей, которые передали мне для работы, были и три твои.

– Люба...

– Хватит трястись! Их не я отбирала, понимаешь? Рукописи уже были вычитаны – ждали только нового редактора.

– Не может быть...

– Почему?

– Я же первую... семь лет назад... потом...

– Потом ты написала продолжение. И третью часть. Возник интерес как к серии.

– И вы сможете меня издавать?

– Пока неизвестно, – Люба поставила чашку на стол, – решение будет принято позже.

С сюжетом у тебя все в порядке, с экспозицией тоже. Но нужно поработать еще над героями. Рукописи с замечаниями я тебе сегодня отдам.

– А дальше?

– Дальше посмотрим. Если, конечно, сможешь пахать как вол.

– Смогу!

– Тогда из нашего проекта может кое-что выйти.

Она посмотрела на Инну испытующе, словно взвешивая все «за» и «против», а потом все-таки произнесла:

– Я всегда говорила: у тебя есть талант. – Люба улыбнулась. – Теперь это уже не только мое мнение.

Глава 5

Инна с трудом дождалась субботы. Дома, в закрытом на ключ ящике письменного стола, ее ждали рукописи, разукрашенные красной ручкой редактора. Все три романа предстояло вычитать, исправить ошибки и отправить Любе.

«У тебя есть талант», – повторяла она как мантру – шепотом, если вокруг были люди, и вслух, оставшись наедине с собой.

Теперь она снова позволяла себе мечтать. Перед внутренним взором стали возникать красочные картины – ее первая книга, первая рецензия в серьезном журнале: «Инна Маковецкая – выдающийся автор в своем жанре. Следуя традициям, установленным родоначальником современного фэнтези, она, в отличие от многих писателей, не является подражателем, но создает собственный, живой и увлекательный мир...»

Будильник прозвенел в шесть утра. Ни минуты не мешкая, Инна вскочила, умылась, сварила кофе и села за письменный стол. Счастье, что через три с половиной часа ей не придется бежать на работу, как в будние дни. Сегодня во что бы то ни стало нужно закончить работу над первой книгой и отправить новый вариант Любе. В издательство каждый день попадает несколько десятков рукописей, и нет никаких гарантий в том, что завтра среди пытающихся счастье авторов не окажется кто-то с очень похожей историей. И тогда, возможно, предпочтение отдадут ему.

Инна с досадой вспомнила о том, что завтра ей лететь в командировку. Желанный поначалу Париж вызывал теперь раздражение: она потеряет драгоценное воскресенье. Если бы только можно было остановить время!

В коридоре послышался шорох. Потом в кухне зазвенела посуда. Чуть позже в ванной полилась вода. Еще минут двадцать хлопали дверцы шкафов, падали вещи и раздавалось ворчание. Инна ждала, пока Сашка соберется в школу – при таком шуме сосредоточиться было невозможно.

Наконец входная дверь с шумом захлопнулась, и только после этого Инна смогла вернуться к работе. Она все еще сидела в собственной комнате, и в то же время ее там уже не было. ДРУГОЙ, созданный ею самый мир поглотил ее без остатка...

– Где мои кроссы?!

Дверь в комнату распахнулась, ударившись ручкой о стену.

Инна вздрогнула и испуганно подняла глаза. На пороге стояла Сашка. В маминой куртке, чудовищно грязных джинсах и босиком. В длинных волосах, которым давно уже требовался шампунь, одиноко болталась замысловато закрученная кудряшка. Инна взглянула дочери в лицо – из-под тонального крема просвечивали невесть откуда взявшиеся синяки.

– Что у тебя с лицом? – обеспокоенно спросила она.

– Макияж, – фыркнула дочь.

– Я не об этом, – Инна старалась не показать испуга, – синяки откуда взялись?

– С лестницы в понедельник упала, – Сашка усмехнулась.

– И ты в таком виде в школу ходила?! – Инна ужаснулась. – Почему не сказала мне? Надо было обработать синяки, показаться врачу.

– Я че, больная?!

Инна промолчала, ругая себя за то, что так поздно узнала о случившемся. Бедная девочка! На глаза навернулись слезы, которые она поспешила спрятать.

– А куда ты собралась?

– Я тебя первую спросила. Где мои кроссы?

Инна замолчала, переводя дыхание. Главное – не читать нотаций. Подростки на них отвечают агрессией, а Саша и так взрывается чуть что.

– Доченька. – Она взяла новый тон. – Зачем тебе кроссовки? На улице скоро снег. Надень сапоги.

– Они уродские, – дочь повернулась к Инне спиной и исчезла в коридоре, где моментально послышался адский грохот, сравнимый с саундтреком к концу света.

Инна вскочила со стула и бросилась вслед за Сашкой – если не остановить этот ураган, квартира через пару минут превратится в руины; придется потратить полдня на то, чтобы привести дом в порядок.

А у нее не было даже часа свободного времени: рукопись все еще лежала на рабочем столе.

– Подожди. – Она успела поймать обувную коробку, которую Сашка сбросила с антресолей. – Ты хотя бы обедала?

– А че у нас есть?

– Суп.

– Я в Макдаке поем.

– Сашенька, – Инна смотрела снизу вверх на дочь, скрывающуюся по плечи в антресолях, – это же вредно. Кока-кола вымывает из организма кальций. Об этом все пишут!

– Кофе возьму, – ответила дочь, сосредоточенно роаясь в недрах полок, – ты мне кроссы отдашь?!

– Отдам, – Инна с надрывом вздохнула, – я их помыла и на зиму убрала.

Сашка спустилась со стула и выжидающе уставилась на мать.

– Джинсы пора стирать, – Инна старалась строить фразы нейтрально, без единого намека на то, что ребенок хоть в чем-нибудь виноват.

Ей хотелось расспросить, как именно Саша упала и заработала эти ужасные синяки – может, кто-то толкнул? – но она не решилась. Раньше надо было внимание обращать. Целая неделя прошла! Сейчас Сашка уже ни за что не признается, в чем было дело, и не расскажет правду.

– И? – дочь уперла руки в бока.

– Возьми другие.

– Твои?

В очередной раз Инна встала в тупик: резко отказать значило вызвать агрессию, согласиться – показать свою слабость.

– Если примешь ванну и пообедаешь, – решила она.

– У-у-у, – такой вариант Сашке не подходил, – кино через тридцать минут!

По крайней мере, теперь Инна выяснила, куда собралась ее дочь. И нужно было настоять хотя бы на одном из необходимых условий: смыть макияж, поменять джинсы или съесть суп. Забота о здоровье взяла верх над остальным.

– Я достаю тебе кроссовки, – скороговоркой заговорила она, – а ты пока надеваешь под джинсы колготы и ешь суп. Имей в виду: кино через полчаса.

Через пятнадцать минут Сашку, в колготах, а заодно и чистых джинсах, но не доевшую суп, как ветром сдуло. И все же у Инны осталось ощущение частичной победы – с очередным раутом общения, которые ее так пугали, она справилась. Ни до истерик, ни до скандалов на этот раз не дошло.

Но прежде чем вернуться к «Пророчеству Эльзы», Инна подумала о том, что еще один важный и непростой вопрос нужно решить немедленно. И так уже слишком долго откладывала. Она подняла трубку городского телефона и приготовилась к новому бою.

– Мама, привет! – жизнерадостно произнесла она в трубку в ответ на любопытное «Алло?».

– А, это ты. – В голосе старушки послышалось то ли удивление, то ли разочарование: Инна никогда не могла этого понять. – Как дела?

- Все в порядке.
- Почему не звонишь?
- Вот звоню, – Инна поторопилась свернуть опасную тему, – как у тебя здоровье?
- В наши годы какое здоровье? – села мать на любимый конек. – Отец кашляет целую неделю, у меня вон давление.
- Лекарства у вас есть?
- Есть, только толку от них никакого. Сашенька как?
- Хорошо, – Инна взяла паузу, чтобы собраться с духом, но молчание затянулось.
- Алло! – испугалась мама. – Алло!
- Я здесь, – Инна набрала в легкие воздуха, как перед прыжком в воду, – мам, а ты сможешь с Сашей три дня побыть? Я завтра улетаю в командировку.
- Какая командировка?! – мама запаниковала. – Нет! Мне к врачу идти в понедельник.
- Но врач же с утра принимает, – Инна заранее знала, что просто не будет, – Сашка в школе будет в это время. Да она не ребенок, главное, накормить, посадить за уроки...
- Ты прекрасно знаешь, я с ней не справляюсь!
- Я тоже, – честно призналась Инна.
- Ты мать!!!
- Как будто это давало хоть какие-то преимущества перед агрессией и нервозностью Сашкиного возраста. Скорее наоборот: отрицание всего и вся началось у нее именно с матери.
- Ладно, – Инна перешла к крайним мерам, – позови к телефону отца.
- Он отдыхает.
- Тогда я позже перезвоню.
- Не надо, человек себя плохо чувствует, – запротестовала мать и, помолчав, спросила: – Куда командировка?
- В Париж.
- Да? А вот я никогда не была в Париже!
- Может, еще как-нибудь выберешься, – Инна заулыбалась, предвидя развязку.
- С вами выберешься! Самолет во сколько?
- Я из дома уеду в девять, – Инна обрадовалась вопросу по существу, – но ты не торопись. Сашка раньше полудня не встанет. Деньги на продукты я оставлю в комоде.
- Сколько?
- Инна, колебавшись, назвала значительную сумму – четверть своей зарплаты.
- Хватит?
- Должно. – Голос в трубке потеплел.
- Договорились!
- Покончив с миссией, Инна тут же извлекла из кошелька деньги, пристроила их вглубь серванта – не дай бог забыть! – и вернулась за письменный стол. Пока Сашка в кино, нужно как можно больше успеть. Придет ребенок домой, и о возвращении в Забытый мир останется только мечтать.
- Очнувшись Инна только вечером, услышав звонок в квартиру. Она успела подумать о том, что Сашка, наверное, забыла ключи, и, не спрашивая «кто там?», настежь распахнула дверь. На пороге вместо Сашки стоял квадратный мужчина с грубо сработанным лицом: бесформенный нос, огромный рот с большими губами и узкие, заплывшие жиром глазки. Из-за его спины выглядывала крошечная блондинка.
- Инна Маковецкая? – спросил он грубо.
- Да.
- А Саша ваша дочь?
- Инна торопливо кивнула и почувствовала, как сердце уходит в пятки.
- Что с ней?!

– Врезалась, – неохотно сообщил он, оглядываясь на блондинку и становясь похожим на гигантскую куклу, за спиной которой прячется тщедушный кукловод, – на мотоцикле в мой «Мерседес».

Внутри Инны все оборвалось от ужаса, она начала сползать вниз, припав плечом к стене.

– Э-э, – мужчина взял ее под локоть и поставил на место, – все нормально с ней! Вскочила и убежала. Машина-то была припаркована.

– Боже!

– А что вы бога сюда приплетаете?! – вылезла из-за спины огромной марионетки хозяйка. – Детей надо воспитывать!

– Я стараюсь, – пролепетала Инна.

– Мы видим! – в ее голосе становилось все больше визгливости. – Только толку нет. Скажите мужу, чтобы принял серьезные меры!

– У меня нет мужа.

– А-а-а, тогда ясно! – обрадовалась кукловодша. – Своя личная жизнь важнее, конечно! Откуда время на дочь?!

Инна готова была провалиться сквозь землю от стыда и чувства вины – в словах этой визгливой женщины было немало правды.

– Наташ! – смущенно встрял в разговор мужчина.

– Что «Наташ»?! Что?! Беспризорники носятся по двору, а у нас маленький ребенок. Не заметят – раздавят! Тебе мало разбитой машины?!

– Разбитой?! – в ужасе переспросила Инна, едва шевеля вмиг пересохшими губами. Невозможно разбить машину на мотоцикле, не покалечив при этом себя!

– Не смертельно, – успокоил ее мужчина, – только вмятина в одном месте.

– Вмятина?! – по слогам проорала его жена. – Машина новая!

– Сколько? – наконец сообразила Инна.

– Надо в сервисе уточнить, – торопливо ответил мужчина, – завтра заеду, узнаю.

– Я завтра улетаю в командировку, – пролепетала Инна, – оставлю вам визитку. Во вторник вернусь.

Мужчина поспешил кивнуть и, дождавшись, когда Инна принесет ему карточку, коротко распрощался.

– Я позвоню.

– Спасибо, – пробормотала Инна, – всего доброго.

– Это вам спасибо! – не пожалела еще одной шпильки хозяйка гигантской марионетки.

Захлопнув дверь, Инна бросилась к мобильному телефону. Ее переполнял страх пополам со злостью, но она понимала, что злиться она вправе только на саму себя. Надо больше времени уделять ребенку!

Сашка долго не брала трубку, потом раздался ее недовольный голос.

– Але.

– Ты где?!

– На улице.

– Саша, срочно приди домой, – внутри Инны все тряслось.

– Зачем? – в интонациях дочери звучала обычная наглость.

– Нужно кое-что обсудить!

– Ты скажи, блин, – тут же ошетинулась Сашка, – что надо обсудить?!

– Боже мой, – Инна все еще старалась сдержаться, – то, где ты взяла мотоцикл! Кто тебе разрешил кататься! Почему ты не сказала мне, что врезалась в машину?! Я с ума схожу! Мне надо увидеть тебя!

– Зачем меня видеть? – хмыкнула Сашка. – Я здорова, со мной все норм.

– Саша, – Инна задрожала от накатившей ярости и бессилия, – я тебя умоляю, приди!

– Не приду. Занимайся своими делами, забудь обо мне.
– Я сказала! – не выдержала Инна, заорав в трубку не своим голосом. – Быстро домой!!!
– Не ори на меня, – в голосе ребенка отчетливо слышалась ненависть, – мне и так херово.

В трубке зазвучали короткие гудки.

Не переодевшись, как была – в домашней одежде и тапочках, только накинув на плечи пальто, Инна выскочила за дверь.

Глава 6

Мака отключила на своем телефоне звук – Инна достала ежеминутными звонками. А вот если бы не машина, она бы так и не соизволила вспомнить о том, что у нее есть дочь! Хозяин, скорее всего, потребовал денег, вот мамаша и бесится.

Но где, спрашивается, была она в прошлый понедельник, когда Маку избили, когда она приползла домой вся в ссадинах и синяках? Вот когда ей нужна была помощь! Только Инна все время ускользала, отводила взгляд. И делала вид, что проблемы дочери ее не касаются! А ведь если б не чудо, сейчас глупая мамаша носила бы ей передачи в травматологию.

Мака всхлипнула от обиды. Все пацаны в школе жалели ее, когда узнали о том, что произошло на руинах; обещали устроить Ритке трындец – та с перепугу даже на уроки не приходила: сочинила какое-то обострение гастрита. Самая умная, блин! Фил все эти дни ползал перед Макой на брюхе, просил прощения и, как баба, лил слезы над ее синяками. Только родная мать оставалась скала скалой. Ей было похер!

Конечно, несмотря на бурное раскаяние Фила, Мака не простила ему предательства. Заложил ее ни за грош, чтобы спасти собственную шкуру. А потом испугался, увидев, что натворил, и притащил тех двух мужиков, чтобы напугать девок.

Перед глазами Маки, словно в тумане, снова возникли руины и три покачивающиеся перед ней фигуры: две большие и одна поменьше – Фила.

– Тебя проводить домой? – заботливый голос доносился сквозь помехи: звон и гул в ушах.

Мака не торопилась отвечать: ощупала одну ногу, потом другую. Встала, ухватившись за протянутую ей широкую жесткую ладонь.

– Не-а, – мотнула она головой, – сама дойду.

– Точно ничего не болит? – уточнил тот же беспокойный дядька, а Мака подумала тогда: «Вот бы мне такого папашу».

– Все норм.

– Счастье, что приятель твой вовремя подоспел!

– Угу.

Мужики попрощались и, поручив девочку заботам «спасителя», отправились восвояси. Фил стоял перед Макой, опустил в землю глаза. За каждым плечом болталось по сумке: когда только успел сгонять за ее портфелем? Дождавшись, когда дядьки скроются из виду, Мака собрала оставшиеся силы и, выплескивая собственную боль, нанесла точный и короткий удар ногой. И, не удержав равновесие, тут же упала.

Пока Фил корчился рядом с ней на земле, она лежала на поваленной сетке забора и думала о том, что больше никогда и никого не будет любить. Чувства умерли в одно мгновение, оставив после себя презрение к тупому ублюдку с красивыми глазами под черной челкой.

– Прости, – просипел предатель, – я не знал, что Ритка...

– Дебил, – оборвала она.

Надо было подняться, уйти, но у нее не осталось сил. Мака лежала и смотрела в небо, пока Фил оправдывался перед ней.

Вот уже десять дней вся школа стояла на ушах – кто-то пробрался поздним вечером в учительскую и устроил в железном ведре погребальный костер сразу шести классным журналам. В выборе было мало логики: один пятый класс, один шестой, девятый, десятый и два одиннадцатых. Директор, узнав о происхождении горстки пепла в ведре, получил сердечный удар и слег в больницу; завуч по воспитательной работе, решив не выносить сор из избы, с рвением взялась за расследование. Беседу проводила с каждым учеником – начала, конечно, с одиннадцатых классов, которые лишились журналов всего потока сразу.

Оказывается, это Фил по пьяни решил отправить в самодельный крематорий свои двойки. Стащил у матери, которая работала поваром в школьной столовой, ключи от входа в кухню, проник вечером в школу и развел в ведре костер. Чтобы запутать следы, сунул в огонь еще пять журналов – те, что первыми попались под руку. И все бы могло сойти с рук, но в тот же вечер он рассказал о своем подвиге Ритке, с которой успел снюхаться после того, как его бросила студентка. Только Макаренко – склочная баба – быстро ему надоела, и он уже начал засматриваться на Маку: жалел, что не предложил ей встречаться сразу.

Но Ритка вцепилась в Фила мертвой хваткой, а когда поняла, что тот собрался бросить ее, начала шантажировать. И заодно объявила войну Маке.

Но он же, когда согласился написать записку, не знал...

– Все? – поинтересовалась Мака, когда предатель умолк.

– Вроде...

– Тогда я пошла.

– В смысле? – чуть не плача, задал он свой идиотский вопрос.

– В прямом!

Вот в тот момент Мака и поняла, как не хватает ей совета умного человека. Как поступить? Пойти и «сдать» Ритку, а вместе с ней Фила? Или оставить все как есть, пусть разбираются сами? Но поговорить оказалось не с кем. Матери было не до нее: она пропадала на работе, а когда приходила домой, как полоумная драила, скребла, варила на целую роту. Зачем?! Кому это надо?! Нужно было просто поговорить с дочерью!

Сейчас, сидя на крыше гаража и наблюдая за утихающей жизнью двора, Мака жалела о том, что не разбила машину в хлам и не сломала заодно себе шею – вот тогда мамаша вышла бы из бездумного оцепенения! В голове возникла картина: кладбище, толпа народу, включая полшколы, и Сашка в гробу, усыпанная цветами до подбородка. Инна падает перед ней на колени – слезы так и текут в три ручья, она просит прощения у дочери, кается в том, что Сашка была ей не нужна. Мака смахнула со щеки слезу.

Хотелось бы верить, что хоть в такой ситуации ее бесчувственная мамаша заплачет. Ни разу за всю свою жизнь Мака не видела в ее глазах ни слезинки. Эта женщина, которая по неведомой ошибке природы стала ей матерью, была вся из железа – от макушки до пят.

Телефон снова замигал, только теперь беззвучно. Мака перевернула его экраном вниз: пусть мамаша понервничает.

И тут она увидела ее саму – как сумасшедшая, в тапочках, в халате под расстегнутым пальто Инна бегала по двору с телефоном у щеки, заглядывая в беседки, в соседние подъезды. Потом выскочила в арку, ведущую на проезжую часть, и скрылась из виду. Маке стало стыдно за мать – куда в таком виде? – она схватила мобильный и нажала прием вызова.

– Да!

– Сашенька, – было слышно, что мать запыхалась; фоном ее голосу служил нескончаемый гул машин, – ты где?!

– На улице, – повторила Мака прежний ответ.

– Я ищу, тебя нигде нет!

– Сколько, он сказал?

– Что? – Инна не поняла.

– Сколько денег мужик запросил за вмятину?

– А-а, – мамаша, наконец, сообразила, – я не знаю пока. Разве это имеет значение?!

– Имеет. – Больше всего Мака ненавидела в матери это показное геройство: с ее зарплатой денег даже до конца месяца не всегда хватало. – Я в Макдак работать пойду.

– Сашенька, – наверное, от холода, ее голос начал дрожать, – не надо. Все решим с машиной, ты только приди домой! Я же хочу помочь.

– Ты лучше пальто застегни, – вдруг выдала себя Мака, – простудишься.

В трубке теперь слышны были только машины, зато сама Инна появилась в арке. В сумасшедших, вставших дыбом на голове кудряшках, в пальто, полы которого развевались по ветру, открывая любопытным взорам ее непристойный вид, она была похожа на ведьму. Только растерянную и обессиленную.

– Слушай, иди домой, – с раздражением в голосе попросила Сашка, – я скоро буду.

– Когда?

– Через десять минут.

Она отключилась. Убедившись в том, что Инна вошла в подъезд, начала осторожно сползать с крыши гаража. Колени, на которые Мака приземлилась, когда врезалась в «мерс» и перелетела через руль мотоцикла, саднило. Но раны были ерундой по сравнению с тем, что теперь ей предстояло добыть круглую сумму – надо будет посмотреть в Интернете, сколько стоит замена двери такой машины. Наверняка мужик запросит с мамы по полной. И Маке еще крупно повезло, что мотоцикл, для которого авария тоже не прошла бесследно, принадлежал Димке: он влюблен в нее с детского сада и ни за что не натравит своих предков. Скажет, сам потерял управление на мокром асфальте и навернулся.

А вообще, слишком дорого обошлась ей эта идея: покататься с пацанами наперегонки. Конечно, обогнала всех – кто бы сомневался! – только вот не успела вовремя затормозить.

– Как ты? – Инна стояла в проеме входной двери, распахнутой настежь.

– Все норм, – Мака отвела взгляд.

– Джинсы порвала, – жалобно запричитала мать в своей дурацкой манере.

– Надо было в грязных идти, – отбила Мака, – они старые. Их не жалко.

Инна скорчила необъяснимую гримасу – то ли боли, то ли отчаяния – по ее половинчатой мимике Мака никогда не могла понять, что к чему.

– А колени? – спросила она.

– Поцарапала.

Инна дождалась, когда Мака скинет кроссовки. Потом завела ее в кухню, усадила на стул. Джинсы сняли, а вот с колготами пришлось повозиться – запекшаяся кровь намертво приклеила к ранам разодранный капрон. Инна налила в плоскую теплую воды, оторвала кусок ваты и стала смачивать колени. Мака хотела припомнить, что именно мать заставила ее надеть эту дрянь, но в последний момент одумалась и решила не накалять обстановку.

– Ты в Париж свой летишь? – вместо этого поинтересовалась она.

– Нет.

– Почему?! Командировку отменили?

– Не в этом дело, – Инне удалось наконец отлепить капрон от коленей.

Девочка поморщилась.

– А в чем?

– Не могу оставить тебя.

– А без работы, – хмыкнула Мака, – остаться можешь?

Инна пожала плечами, и девочка в который раз поразились собственной матерью: все люди как люди, о чем-то переживают, из-за чего-то мучаются, а эта сделана из пуленепробиваемого железа.

– Надо лететь, – не выдержала она, – со мной Светочка побудет!

– Не называй ее так.

– А как? Бабуля?

– Бабуля, – кивнула Инна и, немного помешкав, спросила: – У кого ты взяла мотоцикл?

– У Димки.

– Больше никогда, – оторвавшись от коленей дочери, которые обрабатывала перекисью водорода, Инна посмотрела на нее снизу вверх, – никогда не садись на мотоцикл!

– Больше мне никто и не даст, – печально вздохнула Мака.

А потом они долго сидели на мамином диване рядом друг с другом, и Мака рассказывала, рассказывала. Ее вдруг захотелось, чтобы мама узнала обо всех ее бедах, чтобы пожалела и приласкала, как маленькую. И Инна слушала, вздыхала расстроено, а один раз даже вскрикнула – когда узнала, что не было никакой лестницы. Зато была Ритка со своей стаей...

Наутро Мака проснулась рано. В перевязанных коленях пульсировала боль – теперь недели две заживать будет, – а по квартире разносился едва различимый шорох. Прислушавшись, Мака поняла, что Инна собирает свой чемодан.

Минут через десять легкие шаги матери приблизились к ее комнате. Она потопталась с минуту на пороге, словно раздумывая, будить – не будить, потом осторожно приоткрыла дверь. Мака притворилась спящей.

Она слышала, как Инна вздыхает, и сквозь прикрытые веки наблюдала за выражением лица своей матери: ей даже почудилось, что в черных глазах, которые та обычно спешила спрятать, сосредоточилась острая боль. Неужели из-за нее?

Нет. В это было трудно поверить – скорее всего, померещилось.

Мака проследила за тем, как Инна скрылась за дверью, бесшумно затворив ее, и распахнула глаза.

Если бы мать в самом деле переживала, она бы не оставалась такой безразличной; не сидела бы без конца за компьютером, не пропадала бы целыми днями, а иногда и вечерами черт знает где. Хотя насчет вечеров у Маки с недавних пор появились точные данные, и постыдная тайна Инны оказалась раскрыта благодаря позаимствованному телефону. У матери был любовник!

И он писал ей пламенные послания на прежний номер. Несколько дней Мака осторожно отвечала, стараясь копировать сдержанную манеру Инны, чтобы себя не выдать. А он вдруг позвонил, и с места в карьер: «Инночка, что с тобой? Ты стала такой отстраненной! Обиделась?» Мака в тот момент ошалела от возмущения: так, значит, вот на кого тратила Инна свою любовь, вот почему для дочери ее ни капли не оставалось! А она-то считала ее железной.

Поначалу Мака думала незаметно вернуть Инне телефон – брала ведь только на пару дней, и то потому, что деньги на ее собственном счету внезапно закончились, а на номере матери лежала целая тысяча. Но теперь планы ее изменились – она во что бы то ни стало решила разобраться с этим негодяем. Игорем Варшавским.

– Инна забыла свой телефон в спортзале, – моментально сориентировалась она, стараясь говорить низким голосом, – несколько дней уже не приходит и не звонит.

– Простите, – мужчина смутился, – когда Инна появится, не могли бы вы ей передать, что звонил Игорь?

– Конечно.

– Если не возражаете, я через пару дней еще наберу.

– Как вам будет угодно, – манерничала девочка, – меня зовут Александрой.

– Очень приятно. Спасибо.

Он тут же повесил трубку, а Мака пообещала себе, что выведет этих двоих на чистую воду.

Глава 7

Париж как Париж. Прохладно и сыро, магазины закрыты, в оковах бетонной набережной плещется утомленная после бессонной ночи Сена.

Инна брела вдоль закрытых поутру книжных развалов, неподалеку от которых расположился ее отель, и ругала себя за то, что прилетела в эту командировку. Нужно было остаться с Сашкой, попытаться разобраться в том, что на душе у ребенка. Конечно, Лада бы не простила, но сколько можно плясать под чужую дудку?

Она подняла глаза на стены Версаля – давно не была в Лувре, со студенческих лет, когда они с Любой попали во Францию по студенческому обмену.

Как жаль, что у Сашки нет визы! Прилетели бы вместе, побродили по улицам, заглянули в музеи, поужинали в каком-нибудь шумном ресторанчике, куда заходят poste работы парижане. И бог с ними, с двумя днями школы.

Игорь, чей образ Инна боялась привезти с собой в Париж, теперь абсолютно не тревожил ее – перед глазами стояли разбитые Сашкины колени и ее лицо, отчаянное и растерянное. Бедная девочка. Как же трудно быть взрослой женщиной и маленьким ребенком одновременно; находиться в состоянии постоянной войны с самой собой. Она-то думает, что сражается с окружающим миром, постоянно доказывает свою взрослость всем, кто вокруг, а на самом деле вслепую бродит по лабиринтам собственной незнакомой души, то и дело натываясь на углы и на стены.

Инна всю жизнь старалась договориться с Сашкой, этой оголенной эмоцией. Пыталась уравновесить спокойствием, логикой и удержать в общении разумный баланс, но было видно, что усилия ее проходят даром. Или даже вызывают в дочери еще больший гнев. Сашка постоянно злилась, ошетинивалась, как волчонок, и с ненавистью смотрела на мать. Каждый такой взгляд, выпущенный, словно стрела с ядом, больно ранил, но Инна понимала, что во всем виновата сама.

Если бы у Саши был отец, это могло бы многое изменить в их жизни. Но папа отказался от дочки задолго до ее рождения и – вот этого невозможно было понять – ни разу не попытался с ней встретиться. Хотя Инна писала ему постоянно, даже фотографии посылала.

Сашка, как только подросла, выпытала у Инны об отце все, что мать смогла ей рассказать. Кажется, с тех пор ее дочь возненавидела еще и церковь, заодно с богом.

Инна с надрывом вздохнула. Все и сразу невозможно успеть – несколько лет она обманывала саму себя, веря в разумные отношения с Сашей, в личное счастье, в успех на работе. Она настолько завралась перед собой, что даже решила, будто ей доступно еще и творчество. Нет. Женщина, у которой есть ребенок, не принадлежит своим желаниям, а потому она обязана отбросить все лишнее и посвящать время Саше. Личная жизнь исчезла – вот и прекрасно, самое время о ней забыть. Рукопись она не успела исправить – вот и отлично, бросит писать ради того, чтобы расчистить в жизненном пространстве место для дочери. Останутся только работа – без денег им все равно не прожить – и Саша.

Инна перешла через Сену к Лувру по мосту Искусств и продолжила неспешный путь сквозь Версаль, мимо Триумфальной арки, по улице Риволи. Все-таки она вышла слишком рано – разница во времени и мысли о Саше подняли с постели ни свет ни заря, когда за окном еще не было слышно ни единой машины, а в отеле даже не думали подавать завтрак. Она долго крутилась в кровати, принимала целую вечность душ и сушила феном волосы, вставшие дыбом от парижской воды. И за какие такие грехи ей досталось в наследство от отца это сущее наказание?! Хорошо, что у Сашки волосы в бабушку.

Остановившись на углу, Инна посмотрела направо – до площади Вандом было уже рукой подать. Рано она пришла, до интервью целых полтора часа. А организаторы, сумасшедшие люди, еще такси заказать предлагали. Тут пешком, самым медленным шагом, тридцать минут.

Инна развернулась на сто восемьдесят градусов и направилась в обратную сторону. Нужно было как-то добить это бестолковое парижское утро...

Не дойдя сотни метров до отеля «Риц», Инна взглянула на себя в первую попавшуюся витрину. Обрамленная ювелирными безумствами с гигантскими алмазами, рубинами и изумрудами, она выглядела невзрачной и даже жалкой. Не живое лицо, а посмертная маска несчастной женщины. Широкий бескровный лоб, тонкий нос, бледные губы. Разве что огромные черные глаза, украшенные неправдоподобно длинными ресницами и густыми, изогнутыми бархатной лентой бровями, слегка оживляли картину.

После двухчасовой прогулки на свежем воздухе ее щеки так и не порозовели, только ошалевшие кудри стали торчать в разные стороны, грозя до смерти напугать неподготовленного собеседника. Инна с тяжелым вздохом извлекла из сумочки расческу и постаралась приладить непослушные волосы к голове. Провозившись добрых десять минут и решив, что теперь интервьюируемый гуру отделается только легким испугом, она отправилась к входу.

– Bonjour, – отвлекла она от важных дел мужчину, напоминавшего наряженную в шикарную униформу, жердь, – j'avais interview avec Serge Lutens⁴.

– Bonjour, – заулыбался консьерж, – 353, s'il vous plaît!⁵

Он указал на лифт за спиной Инны, здраво рассудив, что иностранка с ее ломаным французским так скорее сообразит, что к чему. Инна благодарно кивнула и нажала кнопку.

– Troisième⁶, – предупредил вдогонку консьерж и для верности показал три вытянутых вверх пальца.

Инна улыбнулась ему, давая понять, что все ясно, и скрылась в кабине. К счастью, она пришла за десять минут до назначенного времени – не слишком рано, чтобы выглядеть неприлично, и как раз вовремя для того, чтобы успеть воспользоваться туалетной комнатой, которая, к счастью, располагалась у самого входа. Раскланявшись с помощниками месье Лютанса, она скрылась за спасительной дверью.

Пока довершала начатое сражение с непослушными кудрями, пока подкрашивала губы и пудрила щеки, Инна думала, с чего бы начать разговор. О Лютансе ходили самые разные слухи: говорили, что журналистов он не жалует, рассказывать о себе не любит, а большинство тем обходит стороной так умело, что собеседник остается в дураках, получив на конкретный вопрос абстрактный ответ.

И все же Инна знала себя: пока не почувствует человека и не поймет, что им в этой жизни движет, не успокоится. Ей не было дела до новых ароматов Сержа Лютанса – чтобы написать о них пару строк, достаточно прочесть пресс-релизы, а не тащиться в Париж, – но внутренний мир таинственного гения, приоткрытый хотя бы до крохотной щелки, был ей необходим. Иначе интервью не назовешь успешным.

Закончив с приготовлениями, Инна почувствовала приятный азарт, который возникал всякий раз, когда ей доводилось встречаться с людьми искусства. Беседовать с ними, писать о них, размышлять о том таинственном элементе в душе человека, который побуждал его к творчеству, Инна могла бесконечно.

Преображенная, с сияющими глазами и порозовевшим от загоревшейся в ней энергии лицом, она вышла из туалетной комнаты.

– Я готова, – весело сообщила она.

---

⁴ Здравствуйте, у меня интервью с Сержем Лютансом (*фр.*).

⁵ Здравствуйте! Номер 353, пожалуйста (*фр.*).

⁶ Третий (*фр.*).

– Проходите, – улыбнулись ей.

Небольшая заминка, знакомство с представителями компании, директором магазина и появление самого Сержа Лютанса, который прибыл минута в минуту. Ему представили Инну, затем переводчицу – к его радости и изумлению, имена у девушек совпадали, – и проводили троицу к журнальному столику, уютно примостившемуся между шикарными креслами и диваном.

Пора было начинать.

Инна открыла рот и – не понимая, кто ее за язык потянул! – произнесла целую речь. О журнале, в котором будет опубликовано интервью, о его русских читателях, даже о том, что сама она, хоть и работает в глянцевого издания, пишет в свободное время книги...

– Мне так нравится русский язык, – обернулся Лютанс к своей помощнице, – очень певучий, – а потом перевел смеющийся взгляд на Инну, – говорите еще!

От неожиданности она замерла, а потом рассмеялась: деликатный гуру давал понять, что отведенное на беседу время не превратится внезапно в вечность. Месье Лютанс широко улыбался, глядя в ее сияющие глаза.

– Первый вопрос, – Инна выполнила его просьбу и перешла к делу, – вы говорите: «То, что создает человек, – это выражение его самого». В России достаточно известно о ваших ароматах и очень мало – о вас самом. Вы мечтали о парфюмерии с детства?

Она сделала паузу, давая тезке возможность перевести, и превратилась в слух, с нетерпением поглядывая на Сержа Лютанса.

– В жизни человека все запрограммировано. – Он взял в руки чашку и сделал первый, неторопливый, глоток, – все начинается рано, и для вас, и для меня. В возрасте семи лет мы уже полностью сформированы – после происходит лишь поиск и приобретение того, что заложено в человеке...

Он продолжал говорить, прерываясь лишь изредка, напряженно работала переводчица, писал диктофон, а Инна вдруг мысленно перенеслась в свое детство – тот самый возраст, о котором сейчас говорил Лютанс.

Она вспомнила, как после школы сломя голову бежала домой, чтобы поскорее усесться за письменный стол. Все в классе считали ее ненормальной – ни погулять, ни развлечься, – только мама была рада тому, что дочь постоянно занята уроками: перед Инной всегда были разложены тетради, учебники. Правда, бедная мама понятия не имела о том, что дочь обманывает ее изо дня в день. Под учебниками математики, русского языка и природоведения лежала толстая тетрадь в кожаном переплете, в которую она записывала свои волшебные истории. О драконах, василисках, русалках, водяных, домовых, оборотнях, с которыми приходилось иметь дело юным героям, очень похожим на ее одноклассников. Нечисть подстерегала ребят повсюду – в старом портфеле, заброшенном на шкаф, в огромном аквариуме в кабинете директора, в прожарившей кастрюле школьной столовой, под кроватью в родительской спальне. И поскольку дети постоянно совали нос куда не следует, им же потом и приходилось спасать мир от выпущенных на волю злых духов.

До домашних заданий дело доходило нечасто. Инна пропадала в лабиринтах собственных сказок до самого вечера, пока не приходила с работы мама. Лишь услышав звяканье ключа в замке, а потом и окрик, она вздрагивала и прятала тетрадь под подушку.

Инна и сейчас вздрогнула, словно слышала тот самый мамин голос из далекого прошлого, и очнулась.

– Меня отдали на воспитание одной семье, они были нашими дальними родственниками, – продолжал свой рассказ Лютанс, – я видел мать очень редко, а потому мне приходилось задействовать воображение, чтобы воссоздавать и даже придумывать ее образ. Думаю, именно это и положило во мне начало фантазии, которая стала единственным оружием против одиночества.

Инна слушала заворуженно, перед ее глазами возник крохотный чернявый мальчик – наполовину немец, наполовину француз, – стоявший перед большим затуманенным зеркалом. Только оно в старом бедном доме и отличалось изяществом. Все остальное – простой деревянный стол, грубо сработанные стулья, кособокий буфет – было невзрачным и даже уродливым. Но в зеркале! В нем богатым убранством и сочными красками искрился восточный дворец, посреди которого стояла невероятной и меланхоличной красоты женщина. Она ласково смотрела на мальчика, а он любовался ее бледным лицом, замысловатым блеском черных бриллиантов в мочках ушей; наблюдал за движениями губ и тонкой бледной шеи, которую оттеняли массивные украшения из драгоценных камней. Он вздыхал одновременно с шорохом струящегося в пол платья и был счастлив.

– Самые большие несчастья порождают самые большие счастья, – произнес Серж, и Инна удивилась, снова увидев перед собой лицо семидесятилетнего человека – язык не повернулся бы даже мысленно назвать его «стариком» – красивого, светящегося изнутри силой фантазии, которая захватила его в плен в раннем детстве.

Интервью давно закончилось, Инна тепло попрощалась с Лютансом, но его история, рассказанная так ярко и красочно, не выходила у нее из головы. Она бродила по длинным галереям Лувра – пришла сюда сразу из отеля «Риц», – а в голове все еще звучал необычный рассказ.

«Однажды, когда мне было лет 15, к нам в парикмахерскую пришла молодая женщина. Меня попросили заняться клиенткой.

Глядя на меня, можно сказать, что я очень мягкий и сбалансированный человек. Но, с другой стороны, за этим шелком кроется действительно большая энергия. В ней, наверно, и лежит основа творчества.

Но представьте себе ту эпоху – у женщин не было никакой свободы в создании образа. Постоянные локоны и бигуди. Одежда была некрасивой. Все было шаблонным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.